

Он был красивым мужчиной, который, казалось, лучше всего умел находить ошибки, блокировать и наказывать, а не направлять, вести или исправлять.

«Он действительно красив».

Его внешность и природная аура напоминали изящную арфу, созданную европейским мастером. Нос казался таким же высоким и надменным.

Взгляд невольно задержался на мягкой линии его челюсти и утончённой переносице.

«Ну и персонаж», — подумал Дэниел Линдберг.

Алек Уокер явно был рождён с талантом заставлять любого перед собой становиться вежливым. И в доказательство этого даже Дэниелу Линдбергу было непросто произнести заранее отрепетированное извинение.

— Эм, насчёт того, что произошло ранее...

— Достаточно.

— Прошу прощения?

— Даже время, потраченное на выслушивание извинений, — пустая трата времени. Я хотел бы завершить наш разговор в течение пятнадцати минут.

Алек Уокер взглянул на часы на левом запястье.

Следы долгого и бережного использования. Тёмно-кобальтовый механизм и стрелки серебряных часов напоминали цвет его глаз.

Он нажал на настольный таймер, точно выставленный на пятнадцать минут.

— Давайте пропустим ненужные разговоры.

— ...Единственный ненужный разговор между пилотом и спонсором — это вопрос «как дела?». Если вам это настолько неприятно, почему вы просто не отправили письмо?

— Я отчаянно хотел это сделать, но если я таким образом уведомлю пилота с зарплатой в шесть миллионов долларов о расторжении контракта, в суде это может сыграть не в мою пользу.

Это было ослепительно: словно стекло разбилось прямо перед глазами с громким звоном, разбрасывая осколки во все стороны.

Новый спонсор, не ограничившись быстрым «раз-два», только что нанёс тяжёлый удар в корпус — прямо ему в лицо.

— Разумеется, я не говорю, что собираюсь подавать в суд.

— Это, полагаю, не шутка. Это месть за инцидент в лифте?

— Разумеется, нет. Мы не в тех отношениях, чтобы обмениваться любезностями, так что я просто перешёл к сути.

— Эй, господин Алек.

— Достаточно «Алек».

— Тогда, Алек. Ударить и уйти, не объяснив ничего, — это тактика, которая работает только в баскетболе.

— Вот как? Я ненавижу спорт, так что не интересуюсь ни баскетболом, ни «Формулой-1».

Чем спокойнее звучал его голос, лёгкий, как ветер, тем больше этот мужчина продолжал удивлять.

— Нет необходимости обижаться. Я в принципе считаю все виды спорта пустой тратой времени.

— Это не то, что должен говорить спонсор команды.

— Для топ-команды — возможно, но для команды уровня ниже, которая колеблется между седьмым и восьмым местом, нет абсолютно никакого смысла тратить на это время или интерес. Но что поделать — теперь я с этим связан.

Улыбка на его губах была мягкой, но поверх неё лежал смертельный яд.

Было почти удивительно, что сочетание его гладкой, как речной камень, кожи, тёмно-русых волос и сине-зелёных глаз могло ощущаться таким холодным, как сосулька.

— То есть вы хотите сказать, что, раз изначально не были заинтересованы, то просто сделаете вид, будто не заметили ни инцидент в лифте, ни предсказуемые результаты команды, и просто вручите мне уведомление о расторжении контракта?

— Именно.

— Не стоит спорить о каждой мелочи.

Сколько раз он репетировал у двери, говоря себе, что даже если не сможет смыть ужасное первое впечатление, он всё равно должен извиниться как следует, раз уж есть за что.

Однако Алек, который выплёвывал только ядовитые слова, делая все его усилия бесполезными, смотрел так, будто говорил: «Ну и что, если ты извинишься?»

Взгляд Алека был таким же раздражающим, как кусок бетона, ударивший по шлему.

Мало того, что извинения проигнорировали, так ещё и его высокомерное отношение так разозлило Дэниела Линдберга, что казалось, пальцы на ногах вот-вот сведёт судорогой.

— Ладно. Это смешно — вежливо извиняться перед тем, кто не собирается это принимать, так что я прекращу и скажу прямо. Какого чёрта вы сейчас делаете?

Удивительно, но меньше чем за минуту не прозвучало ни единого слова, которое стоило бы выслушать и принять.

Будь это пресс-конференция, вспышки камер не прекращались бы ни на секунду. Но вместо отсутствующих журналистов взорваться был готов именно Дэниел Линдберг, который всё это слушал.

— Вызывать пилота в разгар сезона ранним утром и при этом не сдерживаться в словах... Это так у Уокеров принято вести дела, без всякого чувства приличия?

— Это не вам говорить о приличиях — человеку, которого поймали за разговорами за спиной на месте встречи. Я позвал вас, потому что был уверен, что вы приедете в любое время утра, и вы действительно приехали — так в чём проблема?

— ...!

— Это вы, пилот Дэниел Линдберг, сами решили, что важнее — тренировка или заискивание перед спонсором, и по собственной воле сели в машину. Мой секретарь что, похитил вас?

В словах спонсора, который только что подтвердил, насколько высоко его положение в пищевой цепочке, прозвучал ядовитый укол.

Дэниел понял одну вещь с абсолютной ясностью.

Человек перед ним отличался от любого другого спонсора, с которым ему приходилось сталкиваться. Даже пытаясь разложить его по привычным категориям, сопоставить с похожими людьми, он не находил никого, кто стоял бы выше этой системы координат. Само его существование было новой категорией.

— Сезонный контракт — это, конечно, нечто особенное, раз он гарантирует место даже пилоту, который пропускает тренировки. Благодаря этому я сдерживаюсь от желания сложить вещи пилота Дэниела — от руля до каждой отдельной детали — в картонную коробку и отправить их экспресс-авиапочтой.

— Это был бы руль, а не ручка. Чёрт побери, дожить до дня, когда у меня появится спонсор, который не может отличить руль от ручки... Звучит смешно, но совсем не смешно.

— Какое совпадение. Я чувствую абсолютно то же самое.

Странная тишина пронеслась, как стадо овец, и так же стремительно исчезла. А затем, наконец:

— Пилот Дэниел Линдберг. Наш контракт заканчивается в этом сезоне. Начните искать место в другой команде со следующего года.

То, что должно было случиться, случилось.

Дэниел стоял, сжав кулаки, словно упрямо сопротивляясь в тени гигантской приливной волны. Но ощущение, что земля уходит из-под ног, не исчезало.

Отстранение. Объявление об освобождении. Расторжение контракта.

Как бы это ни называли, это было не чем иным, как зрелищем, где слабого пилота выгоняют под давлением спонсора.

И что хуже всего — спонсор перед ним даже не удосужился произнести ни одной формальной, пустой фразы о том, что он хорошо поработал.

Он не ждал прощания с букетом цветов, но даже когда списывают старую корову, ей хотя бы раз похлопывают по холке, говоря, что она хорошо потрудилась.

— Кто вообще сказал, что это «наш» контракт? По какому праву? Сейчас я получаю бонусы за результаты и гоняюсь за команду, ты здесь посторонний.

— А как тот, кто скоро перестанет быть посторонним, я хочу пилота, который показывает результат, достаточный для выплаты бонусов. Так, чтобы это не было пустой тратой времени и денег.

Я же говорил тебе, Адам. Ничего хорошего не бывает, когда связываешься со спонсорами.

Я не хотел сталкиваться с этим так напрямую, но... чёрт.

— То есть мне нужен более подходящий пилот. А не какой-то третьесортный, который едва набирает один-единственный балл, если повезёт.

Чёрт возьми, он был тем ещё ублюдком — классическим примером спонсора, без всяких преувеличений. Каждое его слово вгрызалось прямо в сердце.

Смирение — одна из добродетелей пилота, но его гордость ещё не была настолько сломлена, чтобы молча терпеть подобное унижение.

Взгляд Дэниела, прикованный к Алеку, превратился в лезвие с холодным синим отливом.

— Если тебе нужны очки, купи себе автомат по их продаже или инвестируй. Ты что, думаешь, пилот — это консервный нож, который работает по щелчку спонсора?

— Было бы удобнее, будь ты консервным ножом. Но проблема в том, что ты третьесортный и раздражающий. И при этом постоянно у меня перед глазами.

— Очки, которые этот третьесортный пилот принёс в прошлом году, были вдвое больше, чем у второго пилота команды. Думаешь, на рынке этого года найдётся кто-то, кто сможет набрать больше очков, чем я, в машине Featherway?

— Возможно. В зависимости от зарплаты.

— Великолепный ответ. Ты что, сам себя рекламируешь как третьесортного?

Дэниел не упустил едва заметного, кривого подёргивания брови Алека. Похоже, его слова о ненависти к спорту были правдой. От него явно веяло дилетантством.

— Пилот топ-команды, который показывает нужный тебе результат, никогда не откажется от победной машины, где размер карбоновой педали тормоза подгоняют под него лично. Для твоих наивных глаз может казаться, что деньги решают всё, но в этом мире нет идиотов, которые переходят в другие команды, ослеплённые зарплатой. Другое дело — если переходить ради повышения, в более сильную команду.

— Ты кое-что не так понял. Я не хочу переманивать пилота топ-команды.

— Тогда что, чёрт возьми...

— Я хочу вычистить застоявшуюся воду в своей команде. Таких, как ты.

Каждое слово разило, словно стрела. Они не промахивались, вонзаясь прямо в лёгкие и сердце. Это было потрясение иного рода, но такой же силы, как удар крови в голову в перевёрнутой гоночной машине.

Однако за этим последовало ещё более шокирующее заявление.

— Если хочешь сохранить своё место — выиграй чемпионский трофей к этому лету.

— ...

— Или точнее будет сказать: «встань на подиум»?

Это было совершенно безумное требование.

<http://bllate.org/book/17841/1706009>